

«Встречи в России»: сюжет из жизни — встретились не все

ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
В «БАЛТИЙСКОМ
ДОМЕ»
ПРОШЕЛ В 16-й РАЗ

Прошел, несмотря ни на какие грозные тучи. едь политические события последнего времени задевают самый нерв фестиваля, сверхзадачей которого всегда было — поддерживать русскоязычные театры на просторах бывшего СССР. Театры, оказавшиеся «за бортом» России. Пафос «стреч» всегда был в том, что театр есть и будет мостиком, соединяющим народы и культуры. Что независимо от отношений «наверху», меж политиками, Театр «Балтийский дом» остается именно что домом, какие бы бури ни бушевали за окном; где во время праздничных фестивальных застолий за одним столом сидят русские, грузины, украинцы, армяне, узбеки, таджики...

Жизнь внесла свои коррективы, еще раз доказав, что есть силы выше благих стремлений и самых теплых привязанностей. Что не с каждым коллективом можно «встретиться в России». Первым отказался от участия в фестивале Йонас айткус, возглавляющий Русский театр Литвы. Об этом много писали в контексте бойкота, объявленного России другими странами. Парадокс в том, что именно театр, всегда объединявший людей, почему-то ярче всего проявил этот бойкот, став какой-то лакмусовой бумажкой (отказ зарубежных коллективов как приезд в Россию, так и принимать у себя российских гастролеров). Отказ айткуса был лишь звеном в цепи, тянущейся далеко за пределы «стреч в России».

ЗАЛОЖНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Что же касается собственно фестиваля, то украинские театры — Русская драма им. Леси Украинки и Донецкий русский ТЮЗ — держались до последнего. Меньше чем за неделю до открытия петербуржцам сообщили, что оба эти коллектива не придут. «Невольны мы стали заложниками ситуации», — написано в официальном письме, присланном в «Балтийский дом».

Следует сказать: несмотря ни на что, все прошло замечательно. И атмосфера фестиваля была столь же теплой, как и всегда, и зрители заполняли залы, и команда критиков подробно обсуждала каждый спектакль... И Премия Кирилла Лаврова, ежегодно вручаемая какому-нибудь коллективу, досталась-таки Русской драме им. Леси Украинки: отсутствие театра не повлияло на решение руководства «Балтийского дома». Все это так. Но если говорить уже о художественном сюжете 16-х «Встреч», то ощущение перелома и катастрофы, сопровождавшее жизненные сюжеты, словно передалось спектаклям. Едва не в каждом из них было состояние подвешенности, и это касается как пьес, легших в основу постановок, так и режиссерских намерений.

«В ДОБРЫЙ ЧАС!»

Мир дал трещину — вот ключевой образ спектакля Русского театра Эстонии «В добрый час!». Взяв пьесу Розова середины 1950-х, ученик Григория Козлова Иван Стрелкин размыл ориентиры времени. Старая черно-белая Москва, виднеющаяся в окнах, — всего лишь стилизованная картинка. В этом спектакле не важно, какому поколению принадлежат «розовские мальчики». Это конфликт старого и нового в принципе. Был мирок квартиры, отделенный от зрителя прозрачным полиэтиленом (тепличные условия, в которых розовские родители растят детей, худож-

«Левушка»: невинностью лучатся их сердца.

ница Екатерина Малинина воплотила буквально). Мальчишки прорвали пленку — вдохнуть воздуха; и плавная повествовательная череда сцен сменилась рваным монтажом. Человеческие связи нарушены, воцарился хаос.

«ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА»

Между небом и землей существуют герои спектакля Юрия Хармелина «Леди Макбет Мценского уезда». Режиссер и руководитель кишиневского Театра «С улицы Роз», здесь он выступил и как художник, сделав центром пространства подвешенную платформу. На этой раскачивающейся «земле» и происходят основные события: и измена мужу, и его отпевание, и убийство младенца, и, конечно, финальная сцена на пароме. Эта промежуточность — грань между двумя реальностями, земной и мистической.

«ОТЕЛЬ ДВУХ МИРОВ»

Пьеса Эрика-Эмманюэля Шмитта «Отель двух миров», которую поставил Игорь Гонопольский в алма-атинском Русском театре драмы им. М. Лермонтова, на первый взгляд, мистична. Действие разворачивается в пространстве, где души людей, пребывающих в коме, ждут исхода событий: тех, кому дан шанс, лифт увозит вниз (на землю), а кого-то — уже окончательно наверх. В этой неуклюжей пьесе Шмитта свойственная драматургу дидактика явно зашкаливает. Но театр еще более четко расставил все акценты и еще сильнее украсил эту ходульную «красивую историю».

Как замечательно ни играли отдельные актеры, графомания автора взяла свое.

«ФРЁКЕН ЖЮЛИ»

«Взяла свое» и другая пьеса — драматургический шедевр Стриндберга «Фрёкен Жюли», которую поставил главный режиссер Могилевского областного театра Саулиус Варнас. Если стриндберговская история держится на тончайшей грани между натурализмом и символизмом, бытом и космосом, то режиссер решил «символизировать» все, придумав каждому персонажу яркий и никак не вяжущийся с реальностью образ. Фрёкен Жюли — дитя леса, троллиха, дикая Артемиды. Ее лакей Жан — лунный Пьеро. Кухарка Кристина — служительница культа. Порой текст сопротивлялся сценическим средствам особенно отчаянно. Было непонятно, почему одетая, как весталка, Кристина вдруг вспоминает об очень конкрет-

ных, житейских делах, тревожится о пенсии себе и детям. Режиссер заставил персонажей дышать иным — горным — воздухом, а драматург все время тянул их на землю.

«ЛЕВУШКА»

Но был в фестивальной афише спектакль, «проговаривающий» гармонию — вопреки всем трещинам и противоречиям. Это «Левушка» Юрия Хармелина, привезенный в придачу к его «Леди Макбет». Спектакль по рассказу Анатолия Крыма предельно прост по средствам и далеко не прост по душевной энергии, в него вложенной. Здесь прямо по Буало — «игрою нежных чувств волнуют нашу кровь». История о мальчишке, который мечется между своих бабушек, как меж двух огней, смешна и трогательна. Бабушек, хохлушку и еврейку, играют чудесные молдавские актрисы Мария Мадан и Людмила Колохина. Одна героиня водит внука в церковь (тайком, ведь еще жив Сталин), другая — в синагогу. Мальчонке удается обхитрить обеих, скопив некоторое состояние, поскольку за поход в «дом Бога» он принимает от каждой бабушки вознаграждение.

Когда Розалия Соломонова умирает, она просто уходит в глубину сцены, садится на лавку и зажигает свечу. Когда умирает ее вечная соперница за любовь к внуку, она подсаживается — и зажигает свою свечу от ее огонька. А перед нами, на авансцене, сидит уже в военной форме Лева — который и вспоминал о детстве. Этот момент — мгновение театрального счастья. Ощущение, что в пространстве мира все-таки нет границ: между живыми и умершими, между поколениями, между детьми и родителями.

Хорошо сделали, что в срочном порядке поставили на фестивальную афишу этот простой, словно ни на что не претендующий спектакль. Он выполнил важную миссию.

Евгений АВРАМЕНКО
Фото предоставлены
организаторами мероприятия

«В добрый час!»: обнявшихся героев разделяют вселенные.